

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.Д. Попков

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖИТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: СЛУЧАЙ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ*

Переоценка старых и появление новых культурных «героев», символов и ритуалов в российском обществе в последние два десятилетия вызвали необходимость соотнесения ценностно-нормативных систем советского и постсоветского периодов. Представители старших поколений россиян вынуждены по-новому трактовать старые символы, ритуалы и действия целого ряда культурных «героев», что приводит к тому, что они вынуждены как бы заново социализироваться в современном обществе.

В проведенном исследовании изучались общие для разных поколений черты культурного базиса, предполагающего преемственность культурных оценок различных событий, «героев» и символов прошлого и настоящего. Показано, что «отцы» и «дети» одновременно проходят социализацию в нынешнем российском обществе: старшие участники социума учатся сами и в то же время учат «детей» новым культурным практикам. При этом различие оценок некоторых «героев» делает невозможным четкое определение культурных образцов и рамок социализации подрастающего поколения. Это порождает большую нагрузку на старшие поколения россиян, которым приходится нести бремя «культурной неопределенности» российского социума.

Ключевые слова: культура, культурные практики, культурная идентичность, советское и постсоветское общество, Калужская область.

Вводные замечания

Процесс демонтажа системы социализации советского общества постепенно привел к нивелированию советской идентичности и затронул всех без исключения граждан бывшего СССР. Основной удар пришелся на молодое по-

* Автор выражает глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за оказание поддержки при проведении данного исследования. Проект № 14-13-40005 а(р).

Попков Вячеслав Дмитриевич — доктор социологических наук, сотрудник Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (v-831p@yandex.ru)

Vyacheslav Popkov — Doctor of Sociology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaluga) (v-831p@yandex.ru)

коление россиян (а также молодежь ныне независимых стран бывшего Союза), которые оказались в ситуации «идентификационного вакуума», когда советская идентичность их родителей и учителей была уже не актуальна, а новая российская идентичность еще не была разработана и предложена. На первый план стали выходить идентичности, формируемые по критерию нового политического гражданства, а также по этническим и религиозным маркерам. Поэтому с начала 1990-х гг. в российских регионах стали актуализироваться этнические, региональные и религиозные идентичности, с ориентацией на различные модели общественных отношений и ценностные системы, которые ранее находились вне рамок советской реальности. Постперестроечное поколение молодых людей постепенно оказалось оторванным от культурных основ, определявших поведенческие образцы и ценностную систему предыдущего поколения. Это привело к тому, что трактовка культурных символов, «героев», равно как и исторических событий и персонажей, для нового поколения и поколения «отцов» могут не только существенно различаться, но и вообще иметь разную природу, что особенно заметно на примере актуальных образовательных моделей, транслирующих идеологию внутреннего системного противоречия. В итоге старшему поколению приходится иметь дело с целым рядом несовпадающих культурных «героев» и символов, формирующих различное восприятие ряда событий российской истории и предписывающих реципиентам взаимоисключающий образ мыслей и образцы поведения. Это постепенно приводит к кризису формирования культурных основ идентичности молодого поколения россиян.

Исследование культуры современного российского общества через призму «как бы» ушедшей советской культуры в последнее время становится одной из ключевых тем во многих работах социологов и социальных антропологов. Особую актуальность это направление исследований приобрело после распада Советского Союза, когда в части (тогда еще) советского общества господствовали представления о том, что от советских культурных моделей можно будет легко отказаться в ближайшем будущем. Однако это не подтвердилось на практике. Как полагают некоторые исследователи, «в первые годы после краха советской системы среди более образованной части российского общества были довольно широко распространены представления о том, что новое поколение, социализированное уже в других условиях, окажется носителем совершенно иных ценностей, будет характеризоваться другой этикой, мотивироваться иначе, чем их родители и деды. <...>. Однако эти предположения оказались скорее набором иллюзий, а не прогнозами, основанными на теоретическом знании и анализе фактического материала. Разрушение прежних образцов не сопровождалось серьезной позитивной работой по пониманию природы советского общества и человека, выработкой других ориентиров и общественных идеалов. Ни общество в целом, ни какие-то отдельные группы оказались не способны к этому» (Гудков и др.: 11). Принимая во внимание эту позицию, необходимо учитывать и другие работы по изучению советских культурных практик, например, Натальи Козловой (Козлова 1996; 2005), Людмилы Булавки (Булавка 2008), Жоржа Нива (Нива 2001), Маргариты Гребенюк (Гребенюк 2003), Алексея Зудина

(Зудин 2002), Юрия Левады (Левада 2006) и других исследователей, затрагивающих различные стороны данной проблемы. Подробный анализ этих работ выходит за рамки предлагаемой статьи, поэтому в дальнейшем проблемное поле будет сужено и речь пойдет о значении советских культурных практик для формирования новой государственно-гражданской идентичности (в терминологии Леокадии Дробижевой) в российском социуме (Дробижева 2009: 10–11; 2011: 23). Основное внимание будет уделено поиску общих черт культурного базиса, предполагающего наличие социальных механизмов межпоколенческой преемственности систем культурных оценок различных событий, «героев» и символов прошлого и настоящего.

Характеристика объекта и методы исследования

Объектом исследования являлись группы молодого и среднего поколения жителей Калужской области, имеющих на момент проведения исследования непосредственное отношение к системе среднего образования. К «молодому поколению» были отнесены ученики выпускных классов средних школ области как группа реципиентов системы ценностей, транслируемых системой образования. Предполагалось, что возраст членов данной группы — между 16 и 18 годами. К «среднему» поколению были условно отнесены две группы. Во-первых, это группа учителей как «трансляторов» системы ценностей. В данном случае был важен возраст потенциальных респондентов, поскольку интерес представляли индивиды, потенциально попадающие в категорию «отцов», т. е. получившие социализацию в советской системе координат и имеющие некоторый опыт работы в системе школьного образования советского периода. Поэтому на момент исследования они не должны были быть моложе 40–45 лет. Во-вторых, это группа «молодых родителей», к которым относились индивиды, имеющие старшего ребенка 6–8 лет возраста и столкнувшиеся с актуальными образовательными программами начальной школы. Предполагалась, что возраст представителей данной группы должен находиться в пределах 25–40 лет, поэтому их можно рассматривать как «устойчивых реципиентов» и одновременно как «трансляторов» системы ценностей.

Таким образом, объект исследования состоял из трех групп:

- 1) ученики выпускных классов (как группа «недавних реципиентов» системы ценностей);
- 2) учителя средней школы (как группа «трансляторов» системы ценностей);
- 3) «молодые родители» (как группа «устойчивых реципиентов» и «трансляторов» системы ценностей своим детям).

Проект проводился на базе трех районов Калужской области, в городах Калуга, Людиново, Таруса и Полотняный завод.

В основе сбора информации лежали *качественные методы*, в частности, тематически-центрированные интервью и фокус-группы.

Всего было проведено 57 тематически-центрированных интервью и 12 фокус-групп.

В группе «*молодых родителей*» было проведено 4 фокус-группы и 17 интервью. Возраст респондентов колебался в диапазоне от 26 до 39 лет. 11 респонден-

тов имели высшее образование; 6 — среднее специальное. Основная часть респондентов (16 человек) — женщины.

В группе «*учеников*» было проведено 4 фокус-группы и 19 интервью. Из них 9 респондентов мужского и 10 женского пола. Большинство опрошенных — ученики 11-х классов — 15 респондентов и 4 опрошенных — ученики 10-х классов. Возраст опрошенных колеблется от 16 до 18 лет, причем среди 18-летних оказалось только два респондента.

В группе «*учителей*» было проведено 4 фокус-группы и 21 интервью. Все респонденты — женщины. Возраст опрошенных колеблется от 40 до 63 лет. Подавляющее большинство (20 респондентов) имеют высшее образование. Один человек имеет среднее специальное образование.

Методология исследования

Понимание «*учеников*», «*учителей*» и «*молодых родителей*» как (суб)культурных групп предполагало исследование их *культурных характеристик*, поэтому акцент ставился на понятиях культуры, культурной идентичности и культурных изменений групп. Считается, что культурное измерение идентичности содержится в социальных интеракциях. Это означает, что идентификация с группой связана не только с интерактивным поведением, но и включает общие правила поведения и нацелена на общие цели, ценности и нормы. Георг Ауэрнхаймер полагает, что при образовании групповых идентичностей невозможно отказаться от культурных содержаний и форм практики, поскольку их символический характер дает возможность представлений группы о себе (Auernheimer 1990: 114).

Таким образом, в данном случае «*учителей*», «*учеников*» и «*молодых родителей*» предлагалось понимать в первую очередь как (суб)культурные группы с их (суб)культурными особенностями, которые определяют их поведение и образ мыслей. Это, в свою очередь, предполагало изучение *поведенческих образцов и ориентаций* группы. Поэтому в дальнейшем в качестве точки отсчета был взят подход Александра Томаса, понимающего культуру как систему поведенческих ориентаций. Согласно этому подходу, культура понимается как «универсальная и в то же время очень типичная система ориентаций для общества, организации и группы. Эта система ориентаций образуется из специфических символов и передается в обществе из поколения в поколение. Она оказывает влияние на образ мыслей, ценностные установки и действия членов этого общества и тем самым определяет их принадлежность к данному обществу. Культура как система ориентаций структурирует поле деятельности индивидов, ощущающих свою принадлежность к данному обществу, и создает предпосылки для развития самостоятельных форм взаимодействия с окружающей средой» (Thomas 1993: 380).

Также, в соответствии с конструктивистским подходом, в исследовании принимался тезис Гирта Хофстеде о том, что «культура выучивается, а не наследуется, и управляется нашим социальным окружением, а не из нашими генами» (Hofstede 1997: 4). По мнению Хофстеде, культурные различия манифестируются различным образом. Среди множества понятий, с помощью которых

описывается манифестация культуры, выделяют следующие четыре совместно взятые понятия: символы, герои, ритуалы и ценности (Ibid: 7).

Символы — это слова, жесты, картины или объекты, которые имеют определенное значение. Как таковые они распознаются только теми, кто принадлежит к одной и той же культуре. Это могут быть слова языка или жаргона, к этой же категории принадлежат также одежда, прически, флаги и символы статуса. Герои — это персоны, живущие или уже умершие, настоящие или фиктивные, обладающие свойствами, которые высоко ценятся в данной культуре. Они служат образцами поведения. Даже фантастические или комические персоны могут служить фигурами культурных героев. Ритуалы — это коллективная деятельность, которая является излишней для достижения поставленных целей, но в рамках определенной культуры считается социально необходимой. Примеры тому — формы приветствия и просьбы по отношению к другим людям, социальные и религиозные церемонии. Символы, герои и ритуалы охватываются понятием (культурных) практик. Как таковые культурные практики видимы стороннему наблюдателю, но их культурное значение ему не ясно. Значение практик узнается исключительно по манере и способам того, как эти практики интерпретируются носителями культуры (Ibid: 8–9).

В предлагаемом анализе акцент сделан на «героях» и символах, которые характерны для исследуемых групп «учеников», «учителей» и «молодых родителей».

Краткие результаты исследования

«Герои»

Выражение симпатии к тем или иным политическим, общественным и другим известным фигурам настоящего и прошлого должно было показать ориентацию респондентов на ценности, носителями которых является (являлся) тот или иной «герой». Например, если в ряду личностей, которым симпатизировали респонденты, назывались Александр Невский или Иосиф Сталин, Петр Первый или Андрей Сахаров и т. д., то предполагалось, что опрошенные в той или иной степени разделяют идеи и ценности, которые принадлежат (приписываются) этому человеку, и идентифицируют себя с группой сторонников данного «героя». Таким образом, «герои» рассматривались здесь как идентификационный маркер, который позволял выявить тенденцию «примыкания» респондентов к той или иной общественной группе.

Для удобства анализа «герои» подразделялись на «героев» досоветского и советского времени. Причем в группу «героев» досоветского периода могли входить персонажи, входившие в пантеон «героев» Российской империи и даже ранее. Например, респонденты могли обозначить в качестве «героев» Александра Невского или Илью Муромца. К советским «героям» могли принадлежать только персоны периода после октября 1917 г. и связывались они исключительно с советской культурой.

Другим основанием для разделения обеих групп «героев» было восприятие респондентами как самой деятельности, так и результатов деятельности упомянутых ими «героев», равно как и ее значение для социума. На этом основании

респонденты могли оценивать «героев» как «положительных» или «отрицательных» исторических персонажей, в зависимости от собственных представлений и установок.

Отдельной категорией выделялись «герои», в той или иной степени связанные с Калужским регионом. В данном случае подробного разделения на группы не проводилось, кроме выяснения, позитивно или негативно они воспринимаются респондентами.

Группа «молодых родителей»

Представители группы «молодых родителей» испытывали существенные затруднения при назывании культурных «героев». Заметная часть респондентов отметила при этом, что они просто не помнят никаких исторических персонажей российской и советской истории, поскольку они не значимы в повседневной жизни. Та часть «молодых родителей», которые смогли назвать некоторые имена, трактовали их в основном только как «известных личностей» и затруднялись оценить их деятельность как негативную или как позитивную. В пантеон «неоднозначных героев» вошли в основном персоны периода распада Российской империи и раннего СССР, например, Василий Чапаев и Григорий Котовский. Вообще респонденты избегали называть те или иные имена из этого периода истории, сопровождая их однозначной оценкой и упирая на то, что *«историю всю перевернули и теперь не знаешь, кто был прав, а кто нет»* («молодые родители», ж., 34).

Особо следует отметить, что многие респонденты затруднились назвать отрицательных «героев». Были выделены Григорий Распутин, Павлик Морозов и Лаврентий Берия, которые, по мнению опрошенных, оценивались однозначно негативно. Следует отметить, что это единичные упоминания. В целом «молодые родители» не смогли назвать ни одного негативного персонажа, который бы устойчиво повторялся в группе.

В качестве однозначно позитивных «героев» назывались имена из российской истории дооктябрьского периода: Александр Суворов, Михаил Кутузов, Петр Багратион, Михаил Ломоносов, Лев Толстой, Александр Пушкин. Из более раннего периода упоминался Александр Невский. Характерно, что все упомянутые досоветские «герои» трактовались респондентами исключительно позитивно. Негативные «герои» досоветского периода (за исключением Григория Распутина) вообще никак не фигурировали в исследовании.

В пантеоне «героев» советского периода представлены персоны, которые вызывают как позитивные, так и негативные эмоции респондентов. Так, уже упомянутых Павлика Морозова и Лаврентия Берия «молодые родители» относят к разряду однозначно негативных героев. Георгия Жукова, Константина Рокоссовского, Михаила Тухачевского, Павла Корчагина, Аркадия Гайдара, Валерия Чкалова респонденты трактуют как достойных подражания позитивных «героев». Интересно, что в качестве позитивного «героя» назывался и герой известного в советский период сериала «Семнадцать мгновений весны» Макс Отто фон Штирлиц (чаще всего просто Штирлиц), который также причислялся к разряду героев, на которых следует равняться.

С более поздним периодом советской культуры связываются имена Александра Солженицына, Андрея Сахарова, Мстислава Ростроповича, Владимира Высоцкого, Юрия Гагарина, которые также трактуются респондентами в позитивном ключе.

Особо следует отметить внимание «молодых родителей» к именам Константина Циолковского, Александра Пушкина и Константина Паустовского. Эти «герои» связываются респондентами с калужской землей и трактуются в позитивном русле.

Группа «учеников»

Характерной особенностью части группы «учеников» является относительная легкость при назывании «героев» разных периодов российской истории. Показательно и то, что «ученики» без особых затруднений наделяли «героев» положительными и отрицательными характеристиками, в то время как в группе «молодых родителей» данный вопрос почти всегда вызывал существенные трудности.

Если коснуться досоветского периода, то респонденты склонялись к упоминанию не только лиц правящей династии, но и поэтов, писателей, ученых, деятельность которых, по их мнению, повлияла на формирование российского общества той эпохи. В категории ученых упоминался только Дмитрий Менделеев. Писатели и поэты были представлены намного шире. Здесь фигурируют имена Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Льва Толстого, Антона Чехова, Нестора (летописца), Александра Радищева, Николая Гоголя. К группе военачальников относятся Александр Суворов, Михаил Кутузов, Петр Багратион. К политическим деятелям «ученики» отнесли Николая I, Николая II, Павла I, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I, Екатерину II, Александра II, Григория Потемкина и Ярослава Мудрого.

Пантеон отрицательных «героев» досоветского периода выглядит намного скромнее. В нем представлены только имена Ивана Грозного и Петра III. Следует заметить, что фигура Ивана Грозного присутствует также в списке позитивных «героев» и является единственной, относительно которой у респондентов возникли разногласия.

Список «героев» советского периода выглядит не менее внушительно, несмотря на относительно короткий отрезок времени, который он занимал в истории. Здесь наблюдается значительное количество «героев», относительно деятельности которых у респондентов отсутствует консенсус. В данном случае кроме ученых, писателей, военачальников и политических деятелей «учениками» называются спортсмены. Особо следует выделить категорию литературных героев, пусть и представленных единичными именами. Так, в качестве отрицательного персонажа был отмечен поэт Иван Бездомный в известном романе Михаила Булгакова. Однако данное упоминание является единичным случаем.

В разряде негативных персонажей советского периода респонденты выделяют только политических деятелей. К ним относят Лаврентия Берию, Иосифа Сталина, Владимира Ленина, Климента Ворошилова, Вячеслава Молотова,

Михаила Горбачева, Георгия Жукова и некоторых других персон, часть из которых получают противоположные оценки в группе.

Среди позитивных «героев» категории ученых респонденты отметили лишь Сергея Королева и Константина Циолковского. В категории писателей и поэтов были упомянуты Марина Цветаева и Константин Паустовский. В категорию военачальников вошли Георгий Жуков, Семен Буденный, Константин Рокоссовский. К политическим деятелям, деятельность которых была оценена позитивно, отнесли Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Льва Троцкого, Никиту Хрущева. Категория известных спортсменов была представлена Валерием Харламовым и Львом Яшиным. Часто упоминалось имя первого в мире космонавта Юрия Гагарина.

Хорошо видно, что наиболее проблемная категория — это политические деятели. Именно здесь присутствуют взаимоисключающие оценки. Причем, следует заметить, что большинство респондентов не смогли обосновать причины, по которым они отнесли тех или иных «героев» к отрицательным или положительным. Чаще всего этот вопрос ставил их в тупик. Характерно и то, что те респонденты, которые пытались обосновать свой выбор, испытывали существенные затруднения и часто старались избежать четкой поляризации между «плохими» и «хорошими» персонажами. Среди таких «неопределенных героев» оказались Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Михаил Фрунзе, Феликс Дзержинский, Анатолий Луначарский, Антон Деникин, Петр Врангель, Александр Колчак и ряд других.

С Калужским краем «ученики» связывают только имена Константина Циолковского и Константина Паустовского. Заметно реже упоминалось имя Марины Цветаевой.

Группа «учителей»

Как и в двух предыдущих случаях, из «героев» досоветского периода респондентами также выделялись несколько подгрупп, среди которых были ученые, писатели, военачальники и политические деятели. К первой подгруппе «учителя» отнесли Василия Жуковского, Михаила Ломоносова, Николая Пирогова, Дмитрия Менделеева и Николая Пржевальского. К подгруппе писателей принадлежат Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой, Николай Карамзин. Военные представлены именами Михаила Скобелева, Петра Багратиона, Александра Невского, Михаила Кутузова, Александра Суворова, Федора Ушакова, а также Дениса Давыдова. Среди пантеона политических деятелей досоветского периода фигурируют Ярослав Мудрый, Петр Столыпин, Николай II, Петр I и Екатерина II. Все указанные «герои» воспринимаются как позитивные персонажи.

Фигуры Емельяна Пугачева и Григория Распутина не получают однозначной интерпретации респондентов и данных персонажей можно скорее отнести к «неопределенным героям». Из «героев» досоветского периода, получивших однозначно негативную оценку, назывался лишь Иван Грозный.

Наиболее разноплановые оценки респондентов получили «герои» советской эпохи, особенно периода становления советского государства. Среди этих

«героев» представлены категории писателей и поэтов, военачальников, политических деятелей, а также артистов и спортсменов. В категории писателей и поэтов выделяются Александр Солженицын, Михаил Булгаков, Николай Гумилев и Борис Пастернак, которые трактуются позитивно. К положительным персонажам из разряда военачальников респонденты относят Василия Чапаева, Михаила Фрунзе, Константина Рокоссовского, Ивана Конева, Николая Щорса, Дмитрия Карбышева, Григория Котовского, Ивана Панфилова, Семёна Буденного и Антона Деникина. В категории артистов, спортсменов и деятелей искусства упоминаются Лев Яшин, Ирина Роднина, Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Майя Плисецкая, Галина Уланова. Они видятся респондентами также в позитивном свете.

К однозначно отрицательным персонажам респонденты относят Лаврентия Берию и Фанни Каплан. Характерно, что однозначно отрицательные «герои» назывались респондентами с трудом и не охотно. Это было связано с пониманием смещения точки зрения в сегодняшнем обществе как на саму личность того или иного «героя», так и на результаты его деятельности. Особенно ярко это проявляется в отношении периода Гражданской войны и становления советского государства. *«Вот ведь всю историю перевернули! [с досадой]. «Теперь уже не знаю! Вот не хочется это обсуждать, понимаете? По идее, белогвардейцы... они ведь тоже страну защищали...»* («учителя», ж., 49).

Характерно, что «учителя» четко выделяют группу «героев», которые происходят из литературных произведений. В отличие от «учеников» и «молодых родителей», едва обозначивших данную группу, «учителя» уделяют ей гораздо больше внимания. В нее входят герой романа Вениамина Каверина «Два капитана» Саня Григорьев, герои Аркадия Гайдара — Тимур и Женья, герой повести Бориса Полевого Алексей Мересьев, романа Николая Островского Павел Корчагин, повести Любви Космодемьянской Зоя Космодемьянская, романа Михаила Шолохова «Поднятая целина» Макар Нагульный, романа Этель Лилиан Войнич «Овод» Артур Бертон. Все упомянутые имена трактуются респондентами только в положительном свете.

Несмотря на различия между группами, можно видеть общую тенденцию к затруднению в определении «героев» переломного периода российской истории эпохи крушения Российской Империи и начала Гражданской войны. На этом фоне наиболее «легкой» группой кажутся «ученики», которые с заметно меньшими затруднениями дают характеристики тем или иным «героям». Например, по сравнению с группой «молодых родителей», испытывающих значительные трудности даже при назывании «героев» недавнего прошлого, группа «учеников», в своем большинстве, обычно не испытывала проблем с называнием имен и, в ряде случаев, с оценкой деятельности тех или иных личностей. Хотя в ходе интервью или обсуждения фокус-группы становилось понятным, что респондент часто не обладает действительными знаниями не только о том или ином историческом деятеле, но и о самом периоде, который с ним связывается. Поэтому следует особо отметить, что в анализе группы «учеников» речь шла лишь о «восприятии имени» респондентом и том эмоциональном фоне, который формирует данный «герой» для опрошенных.

Особо следует подчеркнуть отсутствие значимого интереса «учеников» к дискуссии на данную тему. Она им кажется не значимой и во многом надуманной: *«Сейчас такая возня с этим со всем. Но нет конкретного человека в истории [«героя» — В. П.], который мне бы стопроцентно нравился, был по душе. И меня не особо это волнует. Я живу настоящим»* («ученики», м., 17).

Основной характеристикой групп «молодых родителей» и «учителей» является имплицитное формирование категории «героев», относительно которой респонденты (в особенности «учителя») явно избегают давать какие-либо оценки и трактовать их деятельность в рамках простой дихотомии «плохо — хорошо». В эту категорию входят Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Георгий Жуков, Петр Врангель, Нестор Махно, Александр Колчак и др. Причем явно доминируют персонажи периода распада Российской империи и Гражданской войны. Характерно, что этим «героям» может даваться как негативная, так и позитивная оценка, в зависимости от позиции респондента.

Обращает на себя внимание и явное доминирование позитивных «героев» по отношению к «негативным», что наблюдается во всех исследуемых группах. Как отмечали респонденты, *«зачем упоминать отрицательных героев? Надо ориентироваться на положительных»* («молодые родители», ж., 31).

Нетрудно заметить, что смысловые поля некоторых «героев» заметно различаются между собой. Это в той или иной степени характерно для всех исследуемых групп. Например, ценностные установки и деятельность известных диссидентов Андрея Сахарова или Мстислава Ростроповича, не говоря уже об авторе романа «Архипелаг ГУЛАГ», никак не совпадает с ценностными ориентациями и практиками многих советских «героев», например, Феликса Дзержинского или Иосифа Сталина. Относительное единство респондентов наблюдается лишь по отношению к «героям» досоветского периода и тем личностям, которые связываются респондентами со своим регионом.

Символы

Исследование символов предполагало выяснение значимых для респондентов объектов повседневного материального мира, имеющих для них определенный смысл. Для удобства анализа они разделялись на две категории. К первой категории, условно обозначаемой здесь как *«временные» символы*, относилась одежда, стиль, прически, флаги, лейблы и т. д., которые имели значение в исследуемых группах на первичных этапах социализации. Вторая категория символов условно обозначалась как *«устойчивые» символы*. К данной категории относились, например, памятники, улицы, архитектурные сооружения, памятные места, имеющие конкретную географическую локализацию, и т. д.

Предполагалось, что группы «молодых родителей», «учеников» и «учителей» могут иметь отличающиеся символические поля, что может проявляться в особенностях социального поведения, указывающего на принадлежность участников групп к какому-либо слою или субкультуре.

Основная сложность заключалась в том, что часть символов могла иметь для всех исследуемых групп «общее» происхождение. Как следствие, это приводило к предположению, что одним и тем же жестам, образам, знакам респон-

денты всех групп придают одно и то же значение. Между тем, например, значок или аббревиатура «СССР» может иметь различный смысловой оттенок для разных исследуемых групп, но совпадать в использовании речевых клише. В этой связи особое внимание уделялось выяснению конкретных объектов символического мира, которые были связаны с ранними этапами социализации респондентов.

Группа «молодых родителей»

Обращает на себя внимание, что для многих «молодых родителей» используемые символы происходят из несопадающих ценностных систем. Речь идет о советской системе ценностей и ее измененном варианте, который возник после распада СССР и еще не получил четкого оформления. Причем заметно, что респонденты слабо знакомы с символикой советской культуры или плохо помнят ее и (поэтому) стараются избегать ее обсуждения. Самые упоминаемые «временные» символы советской эпохи — это пионерский галстук, пионерский и октябрятский значки. Это еще коснулось многих респондентов лично. В меньшей степени упоминается аббревиатура «СССР» и красный флаг, который связывается респондентами с государственной символикой бывшего СССР. Наряду с официальной символикой группа родителей упоминает символы «контркультуры», существовавшей в советском обществе. В основном это проявляется в упоминании специфического значения некоторых предметов одежды: джинсы, бейсболки, куртки. Чаще всего это связывалось с молодежной символикой и не противопоставлялось официальным символам в словах респондентов. То есть, например, красный галстук воспринимается как символ, вполне сочетаемый с джинсами, содержащими, например, символику США, Великобритании, Италии и пр. Известные торговые бренды, например, «Адидас» или «Найк», воспринимались сегодняшними «молодыми родителями» как естественные символы их повседневной среды, что сохранилось до сегодняшнего времени.

Символы современной России слабо отложились в памяти «молодых родителей». Как правило, респонденты затруднились отметить какую-либо современную символику. В редких случаях упоминались скандально известные фирмы, типа МММ, с которыми у респондентов не связано ни позитивных, ни негативных эмоций, но они остались в памяти как знаковые маркеры эпохи перестройки.

Основной символической группой, к которой в той или иной степени обращались почти все респонденты, являлись «устойчивые» символы. К ним относились некоторые населенные пункты, определенные места в этих населенных пунктах, дома, улицы, площади и др. В ряде случаев респонденты упоминали о них спонтанно, по ходу беседы, не отдавая себе отчета в том, что данное место или город воспринимается как культурный символ и имеет для них значение. Основное внимание респондентов привлекали «устойчивые» символы Калуги и области. Среди населенных пунктов Калужской области назывались Полотняный завод, Воротынский, Оптина Пустынь, Шамордино, Боровск, Поленово. Такие места, как музей Космонавтики, Дом-музей Циол-

ковского, озеро Ломпадь, Николо Ленивец* рассматривались респондентами в качестве символов Калужского края.

Группа «учеников»

Категория «временных» символов в группе «учеников» содержит в себе два отличающихся направления. К первому направлению следует отнести статусную символику, которая занимает особое место в повседневных взаимодействиях «учеников». Значительное число респондентов указали на известные торговые бренды, например, «Адидас», «Найк», «Эпл», «Рибок». Вообще значение имеют любые символы материального достатка, которые связаны с *признанной* в группе «учеников» высокой стоимостью той или иной вещи, например, ноутбуки, автомобили, мобильные телефоны и др.

Второе направление имплицитно связывается с государственной символикой той или иной страны. В большинстве случаев в «ходу» современная российская символика. Например, упоминалась георгиевская ленточка, которая скорее связывалась респондентами именно с современной символикой, нежели с ее историческим значением. Отмечались случаи использования государственных флагов. Среди них упоминались российский триколор, а также флаги государств СНГ и регионов России, откуда прибыли родители респондентов. Характерно и упоминание бывшего Советского Союза и советской символики как средства самовыражения респондентов. Например, слоган «я родился в СССР» также используется в группе опрошенных.

Ко второй категории («устойчивых» символов) относятся артефакты, которые, по мнению респондентов, имеют особое значение не только для сверстников, но и для населения Калужской области в целом. К ним в основном относятся различные памятники, мемориалы, архитектурные ансамбли и места, связанные со значимыми историческими событиями. В частности, назывались мемориалы Неизвестному солдату (в разных городах области), памятник Константину Паустовскому, памятные места Марины Цветаевой (Таруса), калужский бор, архитектурные сооружения Старый Торг**, Каменный мост***, палаты Коробовых****, дом Константина Циолковского, музей Космонавтики, монастыри Калужской области. В последнем случае назывались в основном монастыри Оптиная пустынь, Тихонова пустынь, Шамордино. Также в качестве символов назывались целые населенные пункты, например, Козельск (как «злой город»), Обнинск (первая атомная станция), Малоярославец.

* Николо Ленивец — известное историческое место (деревня) в Калужской области. Известность Николы Ленивца связана с развитием проекта архитектора Василия Щетинина «Архстояние» и созданием «города художников» начиная с 1989 г.

** Старый Торг — историческое место Калуги. В настоящее время является одним из главных культурных и политических центров города.

*** Каменный мост — историческое место Калуги. Построен в 1777 г., проект архитектора Петра Никитина.

**** Палаты Коробовых — историческое место Калуги. Были построены для купца Кирилла Коробова. Упоминаются в документах с 1697 г.

Группа «учителей»

Как и в случае с группой «учеников», в группе «учителей» категория «временных» символов разбивается на два разноплановых кластера. К первому кластеру следует отнести всю официальную символику, пронизывающую советскую повседневность и ставшую неотъемлемой частью культурной памяти респондентов. Сюда можно отнести пионерский галстук, пионерки, октябрятский, пионерский и комсомольский значки. Здесь же упоминались также другие значки и наклейки, например, значки ГТО, спортивных разрядов, футбольных (хоккейных) команд. Большое значение придавалось школьной форме, которая предполагала стандартный по крою и цветовой гамме костюм для мальчиков и платье для девочек.

Второй кластер включает в себя неформальные символы, которые возникли параллельно официальной символике и никак не связывались с ней или находились в отношениях явной или латентной конфронтации. К нему принадлежали джинсы, музыкальные диски, кассетные магнитофоны и магнитофонные записи. Особое значение придавалось стрижкам и прическам, по которым было возможно идентифицировать индивида и отнести его (ее) к той или иной субкультурной группе. Выделялись надписи на латинице (в основном, английский, немецкий, французский языки) с названиями разных джинсовых фирм («Lee», «Levi's», «Montana» и пр.), музыкальных групп, например, «The Beatles», «Queen», «AC/DC» и пр.

Категория «устойчивых» символов охватывала конкретные географические наименования, памятники и т. д., которые, по мнению респондентов, выходили за рамки идеологических толкований и имели «стабильную» значимость. Данная категория включала в себя места, которым придавалось особое значение, что обычно связывалось с историей конкретного места и возникающей отсюда символикой. Например, площадь Победы, мемориал — танк Т-34 на Московской площади, Зайцева Гора*, Бородинское поле, Оптина пустынь, Шамордино, Дом-музей Циолковского, музей Космонавтики, Каменный мост.

Можно видеть, что символические поля трех исследуемых групп во многом пересекаются, хотя и не согласуются между собой полностью. Наиболее отчетливо это видно на примере категории «временных» символов. Так, среди группы «учеников» почти полностью отсутствует советская официальная символика. Бросается в глаза, что в случае с «учениками» происходит явное сужение советского символического поля и постепенное его замещение на новую символическую сетку, которая лишь незначительно связывается с полем символов «учителей». Характерно, что и в секторе неформальных символов между «учителями» и «учениками» не так много пересечений. В частности, основное внимание «учеников» переместилось с конкретных вещей (например, джинсы или музыкальные диски) на широкий спектр статусных символов, не связанных с каким-либо одним или несколькими предметами.

Зайцева Гора — название деревни (высота 269,8). Стратегический узел, занятый гитлеровцами, который с большими потерями с марта 1942 по март 1943 г. безуспешно пытались отбить советские войска, чтобы перерезать Варшавское шоссе.

В то же время нельзя не заметить сохраняющуюся общность в отношении «устойчивых» символов, часть из которых связывается с православием и с Великой Отечественной войной. Следует выделить и сегмент городской символики, которая связывается респондентами всех трех групп с темой космонавтики.

При заметных различиях между тремя группами кажется, что в группе «молодых родителей» символическое поле выражено слабее, чем в двух других группах. Это проявляется в стремлении «молодых родителей» избежать обращения к советской символике, в отличие от «учителей» и «учеников». Именно «молодые родители» наименее склонны к однозначному определению символов различных периодов российской истории и интерпретации деятельности различных «героев». Можно предположить, что «молодые родители» не могут транслировать устойчивые ценностные ориентиры на более молодое поколение, что связано с кардинальной переоценкой всей ценностной системы, возникшей как раз в период их активной социализации. «Учителя» подвержены «ценностным колебаниям» в заметно меньшей степени, несмотря на то, что в группе также отчетливо проявляется тенденция к избеганию оценки целого ряда культурных «героев» и символов. Особенно это касается периода становления советской власти в России и образования СССР. Это не ускользает от внимания «учеников», которые в ряде случаев вообще отказываются от содержательного рассмотрения деятельности культурных «героев» и смыслового наполнения старых и новых символов. Вероятно, что в настоящий момент современная система образования (в лице старших поколений) не может быть «поставщиком» непротиворечивой системы ценностей, идей, установок, способных дать стержень, основу подрастающему поколению.

Основная проблема заключается в отсутствии системы оценок различных периодов российской истории и общественных систем, существовавших в разное время на территории современной России. Современное российское (постсоветское) общество в одинаковой степени наследует обе общественные и культурные системы, как советского, так и досоветского периодов, находящиеся между собой в противоречии. В этой связи любые попытки совмещения (и примирения) ценностных систем и культурных «героев» досоветского и советского периодов, что особенно явно наблюдается в группе «молодых родителей», становятся бессмысленными, если им не предложить систему новых координат, в которых будут оцениваться культурные «герои», позволяющую, по меньшей мере, сгладить ценностный разрыв, возникающий всякий раз при попытке интерпретации досоветского и советского периодов. Эту непростую задачу следует начинать с разработки *системы пониманий* культурных смыслов досоветских и советских конструктов, их «героев» и символов, которая могла бы стать инструментом для «коррекции» культурной памяти российского общества с избеганием эмоционально-оценочной нагрузки. При этом, говоря о «системе пониманий», следует отталкиваться от идеи Ю.М. Лотмана, который трактует понимание «как сеть истолкований и переводов разной степени приближенности. Именно их многочисленность и взаимная контрастность определяют уровень понимания» (Лотман 2002: 389). В данном случае нужно исходить из того, что дело приходится иметь не просто с известными символа-

ми, историческими «героями», событиями и с (возникшими) социальными и культурными феноменами, с ними связанными, а с системами знаний, методологий оценок и ценностных установок, в рамках которых интерпретируются и трактуются досоветские и советские культурные конструкты.

Обсуждение результатов и краткая дискуссия

Нетрудно заметить, что представленный эмпирический материал ложится в канву известных работ Юрия Левады о «человеке советском» (Левада 2006), с некоторым акцентом на актуальную динамику культурных изменений. Как показывает настоящее исследование, понятие «человек советский» (в Левадовском смысле) до сих пор имеет реальное содержание. Это подчеркивает жизнеспособность и устойчивость «той» советской культуры, вне зависимости от нашего отношения к ней и к стране, где она была сформирована. Многие элементы данной культуры актуальны и для молодого поколения, что отмечается в представленном анализе.

Важно отметить, что все три исследуемых группы в той или иной степени «завязаны» на советскую культуру, несмотря на то, что ее ориентиры и идеалы в глазах многих респондентов явно обесценились, что особенно заметно в группах «учеников» и «родителей». В группе «учителей» в большей степени выражено приспособление к новым оценкам и новым взаимодействиям, несмотря на заметное внутреннее неприятие сложившегося положения вещей. Это не удивительно, если учесть гипотезу Юрия Левады, который предполагал, что «результатом советского эксперимента стал не столько тотально “новый” человеческий тип, сколько человек, *тотально приспособившийся* к советской реальности, готовый принять ее как безальтернативную данность. <...>. Безальтернативность придавала всеобщей приспособленности значение привычки, то есть нерасчлененной и не подлежащей анализу массово-поведенческой структуры» (Левада 2011: 147–148). Такая стратегия характеризуется стремлением «с наименьшими усилиями и утратами адаптироваться к ситуации и не потерять хотя бы того, что есть (“лишь бы не было хуже” — не лучше, а именно не хуже, то есть без подключения и максимизации собственной активности)» (Дубин 2009: 106). Следуя логике Бориса Дубина, следует обратить внимание на возможность приспособления, выраженную как раз в группе «учителей» как наиболее явных носителей советской культуры, независимо от отношения к ней.

Возможно, результаты исследований в других российских регионах покажут другие векторы культурных изменений. Тем не менее, можно предположить наличие ряда однотипных процессов в динамике культурных изменений, поскольку распавшийся СССР (в смысле культуры) все еще продолжает играть интегративную функцию для разных поколений современных россиян.

Литература

- Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008.
Гребенюк М.Н. Культура России советского периода (культурологический аспект). Дисс. ... канд. культ. н. Краснодар, 2003.

Исследования идентичности

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

Дробижева Л.М. (ред.) Российская идентичность в Москве и регионах. М.: ИС РАН, «Макс Пресс», 2009.

Дробижева Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России, 2011, вып. 20, с. 22–34.

Дубин Б.В. Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов // Вестник общественного мнения, 2009, 4, с. 100–106.

Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России, 2002, 3, с. 122–158.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Российская академия наук, Институт философии, 1996.

Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005.

Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека. (Сост.: Т.В. Левада). М.: Карпов Е.В., 2011.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 2002.

Нива Ж. Можно ли подытожить советскую культуру? // Знамя, 2001, 4. [<http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>]. Дата доступа 11.04.2015.

Auernheimer G. *Einführung in die interkulturelle Erziehung*. Darmstadt: WBG, 1990.

Hofstede G. *Lokales Denken — globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management*. München: C.H. Beck, 1997.

Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns, in: Thomas Alexander (Hg.), *Kulturvergleichende Psychologie*. Göttingen: Hogrefe, 1993. S. 377–424.